

МЫ — КОЧЕВНИКИ

ЗАМЕТКИ С ГАСТРОЛЕЙ

ИХ ДЕДЫ кочевали. Как только солнце сгоняло снег со степей и склонов гор, они разбирали юрты, складывали свой немудреный скарб и отправлялись в путь. Скорнив скоту траву — дальше, дальше.

Степь блекла, небо холодело, начинало бросать белые крупинки небесного «пыштака» — снега. И снова — в путь, на зимние стоянки.

Мы тоже кочуем. Приезжаем вечером в село или поселок. Размещаемся в клубе. Разбираем свой скарб: фанерный дом, юрта, ящики с одеждой и домашней утварью... Утром все снова складываем — едем дальше. Только везут нас и наше имущество не медлительные быки, не резвые кони — театральные автобусы. Мы кочуем не для того, чтобы накормить скот сочной травой. Но для того, чтобы осветить души людей красотой и радостью.

Побывали в шести селах. Поставили восемь спектаклей. И я успел убедиться, как жаждут люди красоты и радости! Как ждут ее! Как озабочены их ее приход! Зал всегда переполнен, битком набит, и все — как на празднике. Воспринимают спектакль всегда горячо. Радуются, огорчаются вместе с героями, переживают. В зале — то смех, то горестные восклицания. В поселке Кара-Чыраа мне запомнилась такая сцена: пожилой арат с седыми висками и изборожденным морщинами, темным, как земля в здешних местах, лицом, стоя рядом со мной у косяка двери, все повторял одно и то же слово — что-то вроде русского «черт возьми», но каждый раз с новой интонацией. И по этой смене интонаций можно было совершенно точно представить себе, как он воспринимает спектакль.

Проходит два часа. Люди расходятся довольные, утолившие жажду прекрасного.

Мы — кочевники. Мы — это артисты Тувинского республиканского музыкально-драматического театра Анчимаа Кара, Барынмаа Дадар, Ирина Лаваа, Мария Солун-оол, Сагды Кадр-оол, Люндуп Солун-оол, Роза Чооду, Хертек Ширин-оол, Владимир Серен-оол, Чадамба Монгуш, Дыртык Монгуш, Степан Адыг, Вера Чамьян. Это и шофер Юрий Деревягин, и автор этих строк, рабочий сцены. Мы кочуем по седым взгорьям Западной Тувы — везем от села к селу красоту, чтоб насытить ею души людей. Какое нужное, какое полезное дело — наша кочевка!

...Хургулек Конгар притаилась в уголке за кулисой. Голова ее вдохновенно вскинута, лицо полно гретой жизнью сменяющихся впечатлений. Озабоченность, напряженное внимание, удовлетворенность, строгость: брови змуреются, лицо темнеет. И вдруг теплый свет на него проливается: молодая женщина

улыбнулась. В ее улыбке, доброй и светлой, оживают воспоминания о прошлом...

На сцене Тувинского музыкально-драматического театра идет пьеса Салчака Тока «Тонгур-оол». Она была написана в тридцатые годы — в пору детства независимой Тувинской Народной Республики. В пьесе отражена одна из страниц того периода жизни народа. Эксплуататорские классы не хотели сдавать позиций. Пытались опутать неграмотных аратов, подкупить, завлечь в свои сети партийных работников, пользуясь их человеческими слабостями. Тогда только что была создана тувинская письменность. Люди устремились с радостью к грамоте, к свету знаний. Удивительным открытием было для аратов: можно составить из знаков на бумаге знакомые слова и понятия...

Так живая история, сохраненная пером писателя, приходит к людям дорогой искусства. Тувинцы, рожденные новой эпохой, очень верно, с большой полнотой чувств, передают ту жизнь, которой сами не видели. А ее свидетели и участники, их старшие современники, их отцы, улыбаются одобряюще: да, так было.

И. ЩЕГОЛЕВ,
рабочий сцены.

ТУВИНСКАЯ ПРАВДА 12 МАР 1956